

Книги Й.А. Люнделля — авторитетный источник сведений о русском разговорном произношении конца XIX — начала XX вв.

Бум в русской описательной фонетике конца XIX — начала XX вв. происходил на фоне бурного развития других наук в России. Наиболее авторитетными специалистами в области фонетики живой речи в те годы почитались акад. Ф.Е. Корш и его ученик акад. А.А. Шахматов. Можно назвать имена свыше полутора десятков фонетистов, опубликовавших тогда записи и исследования русского общепринятого произношения, наиболее известные из них — Я.К. Грот, Д.Н. Ушаков и В.А. Богородицкий. Неудивительно, что такое интенсивное развитие фонетики затронуло и сопредельную область, специалистов в русской сценической речи: появились самоучители, пособия, учебники для сцены (и школы) П.Д. Боборыкина, М.М. Бродовского, Д.Д. Коровякова и др. — всего свыше 20 авторов [подробнее см.: [4]; 711].

Наиболее заметные публикации о фонетике живой речи подверглись острой критике со стороны коллег по отрасли и даже представителей общественности¹. Это означает, что фоноорма в то время еще не установилась, не было общего согласия в том, что чье-то конкретное произношение можно кодифицировать, считать безусловно нормативным (такую попытку гораздо позже, в 1927 году, предпринял Д.Н. Ушаков). Известна критика со стороны Ф.Е. Корша в адрес «Законов и правил русского произношения» (руководства «для учителей, чтецов и артистов», 1906) В.И. Чернышева; недоволен книгой был и А.И. Томсон; о «Законах и правилах произношения» с неодобрением писал и неспециалист, известный русский музыковед и композитор М.М. Ипполитов-Иванов (см. [5]; 4). В противоположность всем им И.А. Бодуэн де Куртене находил книгу Чернышева полезной и достойной (см. [12]; 392—393). Пособие «Образцовое русское произношение» для театральных школ, лекторов, учителей («применительно к окраинам России») в 1914 году

¹ Преобладала в те годы такая мода: «куда ему, сиволопому, лезть в физиологию звуков!» или «замечается слишком свободное отношение к законам языка» и т.п. (см. [12]; 393; [11]; 520).

опубликовал артист П.Г. Шаров, причем книга носила компилятивный характер, большая часть материала была взята из «Законов и правил» В.И. Чернышева. «Словарь ударений в русском языке и правил русского ударения» И.И. Огиенко (1911) не заслужил ни одного доброго отзыва из-за многих ошибок и неприемлемых для русского интеллигента ударений [10].

На этом критическом фоне явно выделялись три работы о русском произношении, написанные на иностранных языках: книги шведа Йоханна Аугуста Лунделля² (1890; 1912) и книга серба Радована Кошутича (1919). Обоим существенную помощь оказали высшие авторитеты в русской фонетике академики Ф.Е. Корш (сторонник установления в обществе фононормы) и А.А. Шахматов (считавший тогда определение норм литературного языка несвоевременным) (о помощи Ф.Е. Корша и А.А. Шахматова см.: [6]; [12]).

Первая книга Й.А. Лунделля «Études sur la prononciation Russe. 1-re partie: Compte rendus de la littérature» была написана в Упсале, городе первого в Швеции университета (XV в.), издана в Стокгольме в 1890 году и стала обзором научной литературы по предмету³; вторая же книга Лунделля, всего из 127 стр., написана на шведском («Lärobok i gyska språket») и издана тоже в Стокгольме в 1911 году (см. [8], [9]).

Все три упомянутые книги за их полноту, точность описания и тонкие наблюдения были обласканы русской фонетической критикой того времени и позднее, как ценнейшие пособия. Известны положительные

² С 1910-х годов и до середины XX века имя шведа транслитерировалось у нас как Лундель, но М.В. Панов, известнейший фонетист и историк литературного произношения, изменил традицию (которой ранее следовал и сам) в пользу нынешнего написания. Имелся и третий вариант написания (см. [12]; 392).

³ Так случилось, что 20 лет спустя первая книга (обзор) привлекла внимание известного тогда в России научного журнала «Филологические записки», издававшегося в Воронеже, университетском городе, и «Études» вышли в переводе К. Шульгина под названием «Исследование о русском произношении». Труд, по условиям журнальной публикации, разбили на 10 частей (см. [7]), и в нем напечатано предисловие проф. Й.А. Лунделля (sic!) о творческой истории большого исследования: 1) «Études» — отчет о трудах, излагающих данные о русском произношении, который первоначально предназначался в качестве вводной части к основной работе; 2) во второй части разысканий Лунделлю предстояло систематически изложить все явления московского говора (это задуманное тогда, в 1890 году, издание [9]); 3) в третьей части автор предполагал описать произношение времен Петра Великого, т.е. «той эпохи, когда русская речь достигла степени литературного языка» (см. [7]; 1911. Вып. I, 75—77); мы, к сожалению, так и не увидели историю русского литературного произношения в исполнении Лунделля.

отзывы В.А. Богородицкого о Люнденле и Кошутиче ([2]; 4, сн.), отзыв Кошутича о Люнденле ([6]; 159), более поздний отзыв С.И. Бернштейна о Кошутиче. «Превосходный учебник русского языка, составленный для шведов известным и у нас знатоком русского языка шведским профессором Лунделем», — писал о «Lärobok...» В.И. Чернышев ([15]; 8). Российская Академия наук откликнулась на выход учебника Люнденля рецензией В.М. Попова, ученика И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова, Ф.Ф. Фортунатова, А.И. Соболевского ([14]; 273—284, а также 227, 228, сн.). Книги Люнденля и Кошутича пользуются заслуженным авторитетом и в наше время, подтверждением чему служат слова крупнейшего знатока русского произношения М.В. Панова. Касаясь рубежа веков, Панов писал: «Наиболее ценными работами по русскому произношению, несомненно, являются работы Й. Люнденля и Р. Кошутича» ([12]; 392). И еще: «Примеры, чутко записанные Люнденлем, пожалуй, можно рассматривать как первое движение русской фонетической системы в сторону современного РЯ. Свидетельство Люнденля драгоценно» ([13]; 101), так как он «скорее всего слушал речь, а не просто транскрибировал “по правилам”» ([13]; 105); «Люнденль — наблюдатель, тонко подмечающий факты, а не специалист по транслитерации» (там же), он «наблюдатель надежный» (там же; 122). «Обычно у Люнденля транскрибируется как раз непринужденная речь, стиль более разговорный, чем в записях у Р. Кошутича — А. Шахматова и Ф. Корша» (там же).

В условиях еще не утвердившейся (на рубеже веков) фононормы многие общепринятые случаи произношения того времени сегодня находятся за пределами нормы, это факты внелитературного просторечия⁴. Сейчас мы, преподаватели РКИ, подобное как норму шведам не порекомендуем. И другое: транскрипцию Люнденля 1911 года сегодня, да и раньше так было, технически воспроизвести невозможно. Поэтому целесообразно пойти по пути рецензента В.М. Попова, упростившего латинскую основу транскрипции; часть примера-слова приводится в русской орфографической записи. Основная часть примеров взята из книжки Люнденля 1911 года; невероятно, но в курсах истории русского нормированного произношения, когда цитируют Люнденля, обращаются к его книге 1890 года, переведенной и изданной позже в воронежском журнале. Вместе с тем надо сказать, что обзор Люнденля 1890 года

⁴ На это указывает Р.И. Аванесов, глубоко знавший речевую ситуацию того времени, в том числе и от своих учителей: орфоэпические нормы формировались на базе московского мещанско-городского просторечия; часть произношения «московских просвирен» «впоследствии утратила свое значение нормы, вытеснившись соответствующими элементами книжного произношения» ([1]; 36).

(от Н. Греча и А.Х. Востокова до К.С. Аксакова, плюс труды иностранцев Фр. Миклошича, В. Шерцля и др.) — это глубоко и критически переработанный материал, где четко просматривается точка зрения профессора-шведа на русские фонетические закономерности.

Учебник 1911 года имеет три части: фонетику (Ljudlära — стр. 5—20), фонетические записи (стр. 21-67), а далее — отрывки для чтения (Läsestycken). Основная часть примеров — факты произношения москвички (к которой он обращался также за консультациями), но в книге есть и немосковский материал: твердое [ж:] в словоформах приезжать, позже, визжать, размозжу, уезжал, приезжал, подъезжал и даже [dêç:á] (дождя) ([9]; 17, 38, 44, 50, 62), мягкое книжное [к´] в глаголах типа покрикивать, нагалкивается ([9]; 31, 36) и др. См. там же; 28, 31). Применительно к этому В.М. Попов писал: «Люндель основывается на произношении (главным образом?) одной москвички: ...Речь гвардейца, правоведа, чиновника, администратора заметно рознится от речи представителя армии, «семинариста», типичного, не высокопоставленного русского. Для целей Люнделя не требовалось обращать на это внимание. Иметь же указанное в виду — следует» ([14]; 382, сн.). Хотя к этому времени среди лингвистов была известна также дифференциация устной речи по стилям произношения (например, пионерские работы Поля Пасси во Франции и Генри Суита в Великобритании), Люндель в учебнике не дает фоностилистических оценок; он стремится к аутентичному воспроизведению звучащей речи как иностранной. Он следовал солидной традиции учебников РКИ, ко времени Люнделля насчитывавшей два столетия (вспомним учебники Г.В. Лудольфа, И.С. Горлицкого, В.Е. Адодурова, В.К. Третьяковского и др.; см. об этом: [3]; 86).

В дальнейшем примеры разбиты на 5 разделов: 1) разговорные варианты частых в обиходе словоформ; 2) компенсационная слоговость согласного как след нулидации соседнего безударного гласного; 3) оглушение финальных сочетаний звуков, следующих за глухим согласным; 4) нулидация <j>, в том числе в грамматических показателях заударных финалей; 5) московское просторечие.

1) Как и во всякой устной речи, в учебнике Люнделля нейтральное произношение «сосуществует» с явно небрежным, разговорным, причем первое преобладает в чтении (его корреспонденткой) «Русской речи» Вольпера, а сниженное произношение — в анекдотах, загадках, в чтении коротких рассказов Л. Толстого, там, где много сниженных по стилю лексико-грамматических единиц, вроде *плет глаза, н-да, термину* (род. ед.), *чтоб, нынче, слышь, значит* (слово-сорняк), *пособить, обоим* (с сущ. жен. р.). ([9]; 30, 34, 54, 58, 60 и др.). Некоторые из час-

то употребляющихся словоформ даны в вариантах: [s'ь]йчас и [s'š']ac (сейчас. 26, 50), счастли[ү]è и счастли[үдв]è ([9]; 29), превосходи[t'√b'ısvā] и превосходител[st√vā]⁵.

2) Люндель показывает нулизацию безударного [э] между одинаково артикулируемыми согласными: зеле[п'кэi], Ива[п:ë], в са[т]деле, но[ү:è], твой э[л'л]опор?, э[л'л]олько (ср. э[tèb]ыло), вы бу[d't']е (будете), ста[t]чное дело, может испо[r't'sè], уви[d't']е, ви[d't']е ли, вот ви[d't']е, коле[п'ол]ачинают, одна[к'ок]акая, [ү-ү]выражается, [ss]тоит, [s-s]ледующим, счастли[ү]è (есть вариант счастли[үдв]è), [pp]олоам, а есть и [p-p]олоам, а также [pdp]росить ([9]; 16, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 38, 42, 46, 52, 54, 56, 58).

Нулизируются безударные гласные и между разными по артикуляции согласными: [ps]мотри, ни за ты[s'ı], по[ç't]ырна[tst'], оста[п'тsè], [ç'ı]вертака, [ç'ı]вертаки, ты[s'ı:è], [s'š']ac, [s'š']aç-çø, являе[t's], ос[tп]овились, пре[үs]ходительство, тро[п'ts√ā], в кухмист[п]ской, два[ts]ть, не д[s]тает, [tr]жествуйа, [ps]мопреть, [ps]снимали, два[t:š]ть ([9]; 26, 27, 38, 40, 44, 46, 50, 52, 54, 56, 58, 66; некоторые примеры попадают не один раз). Об этих случаях В.М. Попов писал: «Интересно ощущение гласного элемента там, где русскими фонетиками такового обычно не отмечается [т.е. не отмечается слоговость согласных. — Ж.Г.]; в этих случаях указана особая полновесность согласных ([14]; 22). Имеем [ps]мотри, бу[d't']е, два[t:š]ть, уви[d't']', [ç'ı]ырна[tst]ть, [ç'ı]вертаки, [s'š']ac же, ты[s'ı] ([9]; 38, 58, 50). Если необходимо признать смелой и правильной передачу Ива[п:ë], в са[т-d']еле, то согласиться с отсутствием всякого (даже глухого) гласного в случаях вроде [ç't'v'p]таки и некоторые другие — трудно» ([14]; 281).

3) Еще особенность разговорного произношения — оглушение конечных в слове заударных сочетаний, следующих за глухой согласной: на изво[s'√bk'b], вели[ç'√bsıā], бра[t'vı'ıf], превосходи[t'√b'ısvā], рядом превосходи[t'ı'ıst√vā] (уже не просторечное), зап[√āxл], отч[√bsıā] (ныне вне нормы), ме[s'vıcy], ну вот[√bıš'ó], за печ[к√dı], стака[п'ч'√bkā], несча[s't'√bıb], мальч[√bkā], шан[√āç'k'è], не слыш[√çı'ı], на изво[s'vıkəx] ([9]; 15, 25, 26, 27, 31, 32, 36, 38, 40, 54, 62). Указано также оглушение единичных заударных гласных в финали после глухих согласных: является, жалуется, только по, кататься, трой-

⁵ Знак математического корня означает у Люнделя оглушение голосовых звуков (гласных и согласных). Пример с пропуском взрывного в сочетании ста квалифицируется сейчас как просторечный.

ка, в чашке, в лоханке, мальчика, мыши, бабушка, шапочка, волка, шапки, лисица, не слышу и др. ([9]; 27, 28, 31, 36, 38, 40, 42, 58 и др.). Есть случаи оглушения отдельных безударных между глухими согласными: караульщикoв, лаконически, в качестве, официанта, по тарелке, мальчик, шапочка, потолок, четыре, что это значит, голосочек, потому и др. ([9]; 25, 26, 27, 29, 34, 40, 44, 56, 58 и др.).

В конце слова оглушается сонорный (министр), ослабляются согласные, вплоть до нуля (*mó[ʔis ʔ]*; *удобст[ʔ]*) ([9]; 54, 34, 44).

4) Словоформы *его, ему, ее, еще* в составе синтагмы (с предшествующим словом) часто приведены без начального <j>, что, безусловно, в наше время снижает стиль произношения *за[ʔvó]*, *заделал[ʔйо]*, *дал[ʔти]*, *слышна[ʔти]*, *не спросил [ʔво]*, *ну вот [ʔшо]*, *надел [ʔйо]*, *встречает [ʔво]*, *что [ʔти]* и прсч. ([9]; 23, 25, 26, 28, 32, 34, 36, 40, 42, 54 и т.д.). Не разговорно ли по стилю произношение местоимения [ʔх] *превосходительства* ([9]; 27)?

В грамматических показателях заударных финалей потеря <j> приводит к сдвигу вперед по ряду следующего согласного: *обраща[ʔs]*, *сме[ʔ]*, *наде[ʔs]*, *не спрашива[ʔ]*, *не сме[ʔ]*, *жалу[ʔ]тся*, *быва[ʔ]*, *соединя[ʔ]тся*, *трога[ʔ]*, *причастия протека[ʔ]ций*, *существительные душо[ʔ]*, *Никола[ʔ]*, *кра[ʔ]*, ср. также *карка[п'ь]* (наряду с *к счаст[ʔiu]*) ([7]; 17, 25, 27, 28, 30, 31, 42, 60).

5) В книге Лунделля есть явно внелитературные варианты *на зау[b]-вахту*, *московское зат[r'ó]сся*, *[f-s]ковской губернии*, *офици[í]анта*, *[fsk]ородие* ([7]; 25, 62, 34, 52).

В сочетании *ств*, как было сказано, взрывной выпадает, что для нас просторечие: *есте[s'v]енно*, *соб[s'v]енного*, упомянутое *превосходи[t'√bɪ'svʌ]* (даже под фразовым ударением), *соб[s'v]енность*, в *бо[ʔat's'v'b]* ([9]; 14, 15, 23, 26, 27, 34, 50, 66).

В сочетании <сч> на морфемном стыке или в предложно-падежной форме ч ассимилируется: *бе[s'ʔ:]исленный*, *[s'ʔ:]ем* (с чем) ([9]; 15, 29). Сниженным был и глагольный вариант *[s:ʌ]* *вм.-шься: бои[s:ʌ]*. В.М. Попов отмечал: «Не всегда наблюдается ассимиляция *šs→s: - bʌis:ʌ* (15, 60); ...*stk, zdk→sk: paieskʌ, n'ev'eskʌ*; следовало бы коснуться факультативности проявления некоторых согласных...» ([14]; 282).

Типично московская черта в просторечии — произношение предлога к перед смычным в виде [x-y]. См. интересное замечание В.М. Попова: «Слишком часто Лундель наблюдает y вместо g, x вместо k (§ 25, Dissimilation av konsonanter) [вспомним замечание Попова в начале статьи: хотелось бы видеть в книге меньше примеров народной, не

книжной речи, из уст «типичного, не высокопоставленного русского», есть же еще речь «гвардейца, правоведа, чиновника, администратора», что Люнделль не отразил в учебнике. — Ж.Г.): *x-č'etú* (к чему), *γ-gorëdu*, *γ-bar'ínu* ([9]; 15, 24, 29, 66), *x-kam'ínu* ([9]; 54). Имеем по большей части *gbar'ínu*, *k:am'ínu* (=к камину). Вообще здесь можно различить 2 категории произнесения: русские, не утратившие связи с живым народным языком, произнесут *γ*, *x*; русские, у которых эта связь слаба (книжники), даже слова *bojátiđi*, *γorbátiđi* скажут с взрывным *g'* ([14]; 280). Другие подобные случаи диссимиляции: *[x]то*, *ко[x]ти*, *ко[γ]да*, *[γ]де*, *то[γ]да*, *по-все[γ]дашнему*, *ни[x]то*, *[γ]глазám*, *ино[γ]дá*, *[γ]бедному*, *[γ]бабушке*, хотя рядом *бу[g]алтерш* ([7]; 15, 23, 24, 27, 28, 42, 64, 66).

Интересно еще наблюдение Попова о языке народном и у книжников в произношении *[r]* и *[r']* в словах типа *первый*, *серп* (в связи с этим он высказывает замечание в адрес Люнделля): необходимо различие «книжного и народно-интеллигентского [вот откуда черпались позже орфоэпические нормы! — Ж.Г.] произнесения, поколений, местностей... Колебания произношения вообще у поколений для тонкого уха несомненны [это показал Кошутич. — Ж.Г.]. Я проверял произнесения многих учащихся интеллигентов и нахожу, что *r'* в отмеченных случаях является лишь спорадически» ([14]; 282).

[ы] безударное зачастую редуцировалось до нейтрального *[ə]*: *Павл[ə]чу*, *укоризненн[ə]м* (тв. п.), *не спраш[ə]вай*, *спраш[ə]ваете*, *не_б[ə]ло*, *посланн[ə]е* (им. мн.), *бар[ə]ни*. Есть ясное *[ы]*: *[štoβy]* — и нуль звука: *[υ_вđ]ражае[с]* ([7]; 25, 27, 28, 29).

А что же другая, более ранняя книга Люнделля «*Études...*»? В отличие от книжки 1911 года, «*Études...*» 1890 года, в соответствии с ее жанром, характеризует дифференцированный, критический взгляд аналитика на изложенный авторами-фонетистами материал — всего 16 авторов российских и 4 иностранца. С наибольшим доверием цитирует Люнделль примеры И.И. Срезневского, Ф.И. Буслаева, П.А. Лавровского, А.А. Потебни, М.А. Колосова. Пиететом окружено имя Франца Миклошича. Скептически отнесся Люнделль к данным чешского лингвиста В.И. Шерця, проработавшего в России с 1869 до середины 1880-х годов, причём Люнделль в оценках был не одинок: не одобряли подхода Шерця к материалу (его «правил» и примеров) Колосов, Котляревский, Ягич, Иог. Шмидт, Кочубинский — встречались формулировки вроде «недостаток научного знания», «легкость» [возможно, по мнению переводчика К. Шульгина, это означает пароним «легковесность»], «литературные грехи» ([7]; Вып. V—VI, 692). Ниже приводятся примеры, все же заслуживающие доверие обозревателя, с заключительной припиской, кото-

рая композиционно завершит данную статью. Так, у Фр. Миклошича и В. Шерцля читаем [xto, xk]ому, [x]кóму, [x]корню (что сегодня вне нормы; вспомним также отзыв Попова о подобных примерах из книги Люнделля 1911 года), но [x]камню, [g]дому, [g]буре ([7]; Вып. V—VI, 673, 692, 694; [7]; Вып. I, 6); тут же находим ко[x]ти, дѣ[x]тя, все[γ]да, но[x]ти ([7]; Вып. I, 6).

Напоминают примеры В.К. Третьяковского (1748) типично московские про[ш]ный, башма[ш]ный, праздни[ш]ный, сказо[ш]ный, будо[ш]ник, гре[ш]невый, но све[ч']ной, подсве[ч']ник ([7]; Вып. V—VI: 692; там же; Вып. I, 7).

Хорошо согласуются («перекликаются») с собственными примерами Люнделля (1911) варианты Шерцля (1883) *одиннад[цт']*, *двенад[цт']*, *три[цт']*, *всѣ-[тк']и* (с нулизацией заударных гласных между глухими согласными) ([7]; Вып. V—VI, 695; там же; Вып. I, 10; [8]; 127). Одно-типный случай с «сонантами» (слоговыми согласными в результате нулизации соседних гласных) в работе В. Шерцля, не попавшей в обзор Люнделля: *во[с']мьде[с']т* ([16]; 95, 102).

Закончу работу примерами из Шерцля, вызвавшими недовольство Люнделля, — это далёкие от тогдашнего книжного произношения случаи из разговорной практики (которые ныне безусловно стоят вне нормы): *тр[ѣ]тjо́в дн'и* (третьего дня), *пл[о́]тишь*, *запл[о́]тят*, *т[о́]щит* (тащит), *к[о́]тит*, *пос[о́]дит*, *под[о́]рите*; далее: *лу[ч']ий*, *впро[тч']ем*, *про[тч']ие*, *пору[тч']ик*, *при[ч']ина* ([7]; Вып. V—VI, 695; там же; Вып. I, 7, 12); *Фра[нч']ия*, *пе[р']вый*, *се[р']це*, *[с']ме[р']ть* [вспомним отзывы о таком произношении у В.М. Попова в 1913 году. — Ж.Г.] ([7]; Вып. I, 8). Просторечное произношение глагольных и отглагольных форм у Шерцля: *во[д']т*, *стó[ж]т*, *держ[у]т*, *огнедыш[у]ший* и наоборот, *хлопоч[а]т* ([7]; Вып. I, 10). Близки по нормативно-стилистическим оценкам разговорные примеры с непроизносимыми согласными: *хва[сл']ивый*, *сча[сл']ивый*, *неве[ск]а*, *боро[ск]а* ([7]; Вып. I: 10; [8]; 133—134). Есть у Шерцля варианты слов на -гда «в очень быстрой речи», близко стоящие к современному материалу: $k^{ah}d\acute{a} \sim k^ad\acute{a}$, $t^{ah}d\acute{a} \sim t^ad\acute{a}$, $n^ik^{ah}d\acute{a} \sim n^ik^ad\acute{a}$, $mn'e\ n'ek^ad\acute{a}$ ([17]; 20; у Люнделля частично см. [7]; Вып. I, 6).

Может быть, из-за предпочтений В.И. Шерцля (у него всё больше было примеров на грани общепринятого узуса, а зачастую просторечных, типа *цм[е]*, *врем[е]*, *зап[р']ок*, *пот[р']ос* (потряс), *гнёзд[у]шко*, *Петербур[x]*, *не[шт]о* (ничто) ([7]; Вып. I, 4, 5)); он, фонетист, не склонявший уха к книжному произношению (жил и работал в России в основном на юге: в Харькове, Одессе) (вспомним позднейшее замеча-

ние Попова, 1913 года, о предпочтении речи «типичного, не высокопоставленного русского» уже в учебнике Люнделля), заслужил в 1890 году от Люнделля такой упрек: «Правила Шерцля вообще плохо составлены», «можно было бы ожидать чего-нибудь значительно выше посредственности от иностранца-лингвиста, который прожил 15 лет в России, который знаком с выдающимися трудами по современной фонетике» ([7]; Вып. V—VI: 693—694; там же; Вып. I: 12).

Фанфарное настроение начала статьи омрачилось. Или материал оказался у двух авторов «сильнее» воли нормативиста, или сыграло роль правило бумеранга: совпали многие оценки — сначала Люнделля по поводу Шерцля, а четверть века спустя замечания Попова в адрес самого Люнделля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1984.
2. Богородицкий В.А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930 (первые варианты книги созданы в 1910-е гг.).
3. Ганиев Ж.В. Закономерности русского произношения, описанные грамматиками XVIII века // НДВШ. Филологические науки. 1973. № 4 (76).
4. Ганиев Ж.В. Техника речи // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под общ. рук. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М., 2003.
5. Иванов М. Наши речь и произношение // Новое время. 1913. № 13350. 13 (26) мая.
6. Кошутий Радован. Граматика руског језика. — I. Гласови. А. Општи део (Књижевни изговор). Друго издание. Птг., 1919 (Книга задумана за 10 лет до этого). В 20-е гг. автор был представлен к званию чл.-корр. АН СССР.
7. Лундель И.А. Исследование о русском произношении // Филологические записки. 1911. Вып. I—V; 1912. Вып. I—VI; 1913. Вып. I.
8. Lundell J.A. Études sur la prononciation Russe. 1re partie. Compte rendu de la littérature. 1re livraison. Upsala Universitets årsskrift, 1891. Filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper, I [Stockholm, 1890].
9. Lundell J.A. Lärobok i ryska språket. Stockholm [1911] (в годах издания обеих книг Люнделля нет ясности. Книга на французском датирована и 1890, и 1891 г., а книга на шведском — 1911 г., но М.В. Панов уверенно датирует ее 1912 годом (см. [12]; 426).
10. Огиенко И.И. Словарь ударений в русском языке и правила русского ударения: Пособие для учащихся и самообразования. Киев, 1911.
11. Огиенко И. Правильность и чистота русской речи. Дополнения и заметки на книгу В. Чернышева «Правильность и чистота русской речи. Опыт стилистической грамматики. СПб., 1911 г.» // Филологические записки. 1912. Вып. II—IV.
12. Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.

13. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1990.
14. Попов В.М. [Рец.] J.A. Lundell. *Lärobok i ryska språket* // Изв. ОРЯС Имп. АН. СПб., 1913. Т. XVIII. Кн. 3. В начале 60-х гг. я обнаружил престарелого, но еще бодрого В.М. Попова, кандидата филологических наук, в числе научных сотрудников Института языка и литературы им. А.С. Пушкина АН УзССР в Ташкенте. Об этом при встрече в Москве я сообщил М.В. Панову, готовившему к изданию монографию «Русская фонетика». Излишне говорить, как мы были рады, удивлены и взволнованы. М.В. Панов по полученному адресу успел обменяться письмами с В.М. Поповым. Вскоре В.М. Попова не стало...
15. Чернышев В. [И]. Законы и правила русского произношения. Звуки. Формы. Сочетания слов: Опыт руководства для учителей, чтецов и артистов. 3-е изд., пересмотр. Птг., 1915.
16. В.И. Шериль. Очерки из области фонетики // Филологические записки. 1885. Вып. I.
17. Čenek Šercl. *Mluvnice jazyka ruského*. Zeš. I. Praha, 1883.

J.A. Lundell's Books — a Trustworthy Source of Information on Russian Colloquial Pronunciation of the end of XIX — beginning of XX centuries

Lundell's 'Études sur la prononciation Russe' and 'Lärobok i ruska språket' were published when the number of investigations about Russian audible speech had intensively grown, but the standards of educated pronunciation in society had not been conclusively established yet. Therefore writing down of colloquial, lower pronunciation is very important for us as it allows to compare it with contemporary non-code Russian pronunciation.

In opinion of some phoneticians, Lundell's books are one of a few reliable sources of knowledge about Moscow audible speech of the epoch of a hundred years ago.